

УДК 394

DOI: 10.17223/22220836/28/4

Ю.А. Ишутина

О ФОРМИРОВАНИИ И ЭВОЛЮЦИИ НРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Традиционно формирование нравственных идеалов в Китае осуществлялось посредством преподавания учебных текстов конфуцианской направленности. Тем не менее школьный учебник не может быть рычагом воздействия на людей среднего возраста и пожилых. Для того чтобы не утратить идеологический контроль над этой частью населения, правительство КНР использует живое слово агитатора и наглядный плакат. В статье рассматриваются проблема нравственного воспитания в КНР на современном этапе, история вопроса, основные тенденции и факторы развития.

Ключевые слова: агитационный плакат, Культурная революция, социалистическое строительство, Лэй Фэн, нравственные идеалы, традиция и современность.

В современных условиях глобализации и включения абсолютного большинства стран в этот процесс организация системы нравственного воспитания молодежи в духе национальной культуры является одним из главных условий сохранения традиционных устоев общества.

Формирование высоконравственных идеалов и образцов поведения, которое одобряет и культивирует социум, позволяет носителям традиционных культур противостоять глобализационным вызовам с разной степенью успешности. Власти КНР, на наш взгляд, наиболее эффективно реализуют проекты по созиданию нравственного идеала, гармонично сочетающего в себе приверженность традиционным ценностям и воплощение стремлений и чаяний современного человека.

Свой взгляд на проблему сложения и эволюцию нравственного идеала в китайском социуме в своих трудах излагали отечественные ученые В.В. Малявин [1], А.А. Маслов [2], А.Г. Сторожук [3]. Основное внимание этих исследователей сосредоточено на формировании канона человека культуры 文人 *вэньжэнь* и культе благородного мужа конфуцианского толка 君子 *цзюньцзы*. Вопросу культа народных героев эпохи Большого скачка (1958–1960) и Культурной революции (1966–1976) посвящена достаточно объемная и содержательная работа англоязычного ученого Филипа Шорта [4]. Наиболее глубокие и интересные с точки зрения фактического материала статьи по исследуемой тематике современного периода принадлежат перу китайских публицистов Ван Ляю [5], Ван Яну [6], Дуань Вэю, Мао Лигуну [7] и Лян Суфан [8]. При достаточной изученности проблемы китайскими, отечественными и зарубежными авторами остается широкое поле для исследования способов актуализации нравственного идеала среди китайской молодежи начала XXI в.

Цель нашего исследования – определить основные тенденции эволюции нравственного идеала в континентальном Китае в период конца XX – начала

XXI в. на основе материалов китайской публицистики. Объектом изучения является нравственный идеал, актуальный в современном китайском обществе, предметом – процессы его формирования и эволюции в новых условиях реализации масштабного строительства и становления КНР как мировой сверхдержавы. При написании работы нами был применен метод систематизации и анализа материала источников на китайском языке. Наиболее ценным является обзор статей ведущего китайского периодического издания – журнала «Жэньминь хуабao» [5–8].

Учитывая тот факт, что в исследуемый период в континентальном Китае наблюдаются процессы модернизации личности, мы выдвигаем гипотезу, что в китайском обществе под воздействием сразу нескольких факторов, таких как глобализационные процессы, вестернизация, влияние господствующей идеологии (КПК), намеренно формируется нравственный идеал современной личности, воспитанной в духе конфуцианских традиций, успешно адаптирующейся к современным экономическим и политическим условиям страны. Эта личность, с одной стороны, занимает активную жизненную позицию в обществе, с другой – социально мобильна и демонстрирует успешность в разных сферах.

Возникновение типа модернизированного китайца вполне объяснимо и с точки зрения того, что социальная жизнь индивида очень насыщена, а стремление к повышению уровня жизни способствует появлению качеств, которые не были присущи традиционному китайцу. Так, прагматизм межличностных отношений, который, по мнению журналистов Дуань Вэй и Мао Лигун, проявился особенно ярко в последние три десятилетия, с началом проведения политики реформ и открытости Китая миру, постепенно отодвигает на дальний план такие базовые понятия китайской культуры, как человеколюбие и гуманность; отношения все больше приобретают меркантилизованный характер [7. С. 37].

Кратко характеризуя идеалы высокой китайской древности, отметим, что образ благородного мужа *君子 цзюньцзы* в традиционной китайской культуре является собирательным и подразумевает, что человек культуры *文人 вэньжэнь* всецело стремится соответствовать категориям морали и нравственности, трактуемых тремя учениями *саньцзяо 三教*: конфуцианство, буддизм, даосизм. *Цзюньцзы* являет собой некий паттерн идеальной личности, вписанный в картину китайской священной древности и, по сути, представляет собой всего лишь заданный вектор эволюции культуры [1].

При всей своей недостижимости и отдаленности во времени идеал *благородного мужа* тем не менее остается актуальным и реализуется в области нравственного воспитания школьников. Так, в национальной школе начиная с первого класса младшей ступени учащимся дополнительно предлагают к заучиванию наизусть небольшие квинтэссенции из популярных китайских словников, например «Троесловие» (*Саньцзыцзин*, «三字经»), в котором доходчиво, благодаря комментированию на *путунхуа*, приводятся весьма поучительные рассказы о благородных или несправедливых поступках героев древности. В интерактивном учебнике «Троесловие» красочно представлены истории о детстве философа Мэн-цзы и его благодетельной матери, приложившей немало усилий для воспитания Мэна из Цзоу в духе конфуцианской

догмы [9. С. 10]. В комментировании акцентируется внимание на жизненности древних постулатов, в каждом из комментариев содержится посыл реализовать себя в общественной жизни путем прилежного обучения.

Национальная школа КНР демонстрирует известную широту взглядов, включая в учебники родного языка с первого по четвертый год обучения адаптированные тексты из русской, советской и европейской литературы. В процентном соотношении на первом году обучения это соответственно 33 % русской классики (рассказы А.П. Чехова и Д.Н. Мамина-Сибиряка), 36 % классической поэзии эпохи Тан и Сун, 33 % европейской (сказки Г.-Х. Андерсена и отрывки из прозы О. Уальда) [10, 11]. На втором году обучения доля китайских текстов, посвященных воспитанию моральных качеств, увеличивается до 45 % (рассказы бытовой направленности, поучительные сказки), 10% составляют рассказы М. Зошенко о В.И. Ленине, 45 % европейская и американская литература (Майн Рид и Р. Киплинг) [12, 13]. Третий год обучения содержит базовые тексты о китайских демиургах и героях китайской древности (63 %), еще 22 % учебного материала – тексты идеологической направленности («Как маленький Тайвань хочет вернуться к нашей большой Родине», «Чудесный подарок маленькому Гонконгу, вернувшемуся к радушной китайской семье») и т.п. Доля текстов иностранной литературы здесь мала и составлена из адаптированных рассказов Н.Г. Гарина-Михайловского [14, 15]. На четвертом году обучения тексты усложняются поэтическим описанием живописных мест Китая (45 %), информацией о многонациональной семье КНР (25%), классической поэзией, детально изучается ксилографический свиток «Праздник на реке Цинмин» (20%) [16]; в 8 дополнительных текстов внесена информация о народных героях времен Корейской войны и Большого скачка, в частности о Хуан Цизуане [17. С. 164]. Адаптированные тексты иностранной литературы в этих учебниках представляют собой теплые рассказы, в которых герои совершают справедливые поступки в рамках общечеловеческих представлений о морали.

Советская детская литература выглядит наиболее выигрышной, так как описываются узнаваемые бытовые ситуации, в которых есть место для комментирования материала китайским переводчиком с его интерпретацией добра, зла, прагматизма и бескорыстия. Поучительные истории с явным конфуцианским подтекстом акцентируют внимание на прагматизме и важности подчинения младшего старшему; мифологический компонент учебника демонстрирует правильность мироустройства китайского бытия в принципе [14]. Таким образом, основные типы социального поведения транслируются посредством художественного текста различной тематики, подкрепляются заданиями по написанию сочинений на заявленную тему или развитию навыков ораторского мастерства. Дважды в неделю младшие школьники изучают предмет *Пиньдэ* 品德, «Основы бытовой культуры». В ходе этого курса в течение всей начальной школы учащийся закрепляет навыки правильного бытового, социального и национального поведения. Так складывается особый тип модернизированного китайца.

Этот тип представляется динамичным (высокий ритм жизни в условиях глобализации), конкурентоспособным (большая популяция), готовым приспособиться к новым условиям (своего рода способность к выживанию

в постиндустриальную эпоху), не толерантным ко всему тому, что затрагивает зону национальных интересов. Например, следует проявлять нетерпимое отношение ко всему японскому на севере Китая (в память о жертвах геноцида времен интервенции милитаристской Японии) или бойкотировать французский бизнес повсеместно (в знак протеста против попытки гражданина Франции загасить огонь китайской олимпиады в 2008 г.).

С точки зрения следования религии национальная школа занимает нейтральную позицию, вырабатывая у молодежи реалистичный взгляд на мир. Китайское общество демонстрирует беспрецедентную преемственность в обучении молодежи. Нравственные нормы демонстрируются эксплицитно во всех областях функционирования общества и на любом уровне (домовой комитет, собрания рабочего коллектива, ячейки КПК, общественные организации, социальная реклама на телевидении, агитационный плакат).

Условно говоря, современный китаец находится в центре воображаемого круга, состоящего из сегментов, наполненных представлениями из трех популярных учений (буддизм, даосизм и конфуцианство) [2]. Подход к этой стороне китайского бытия также отличается прагматичностью: в случае финансовой неудачи обращаются к буддизму, при болезнях – к даосским практикам, на которых зиждется китайская традиционная медицина, учение Конфуция остается базовым.

Конфуцианство является конструирующим элементом отношений внутри китайского социума на всех уровнях, и оно, собственно, регулирует эти отношения. С поправкой на современность по-прежнему актуальны такие категории, как долг, ритуал, понятие чести и потери лица, благодетели и порока. Однако самыми жизнеспособными, на наш взгляд, оказались категории сыновней почтительности *сяо* 孝 и преданности (Родине) *чжун* 忠.

Они, как наиболее продуктивные и прагматичные, широко применимы во всей воспитательной системе Китая, начиная от малой ячейки общества семьи *цзя* (家), и восходящей к государственности *гоцзя* (国家). Учитывая прагматичный характер современных китайцев, а также объективные проблемы, которые необходимо решать (перенаселение, критические показатели старения популяции, необходимость обеспечить занятость огромным народным массам, очевидное социальное расслоение), легко сконструировать ситуации и вызовы, с которыми сталкиваются китайцы.

Если русский человек живет верой в свою духовную миссию спасения себя и мира, а чаще верой в то, что все *будет хорошо*, то китаец существует с уверенностью, что все так, как *должно быть*, и все делается в соответствии с образцами китайской древности. Отсюда и приемы воспитания, которые легко применимы не только к китайскому обществу, но и к азиатским сообществам вообще. Особый склад мышления, покорность младшего старшему, убежденность в правильности постулатов, знание того, что когда-то и он займет место старшего (по положению или в результате естественных процессов старения), включает человека в общество, где он занимает определенную нишу, и создает ощущение гармонии, которое и обеспечивает категория сыновней почтительности *сяо* 孝.

Понятие верности или преданности Родине *чжун* 忠 у китайцев сопряжено со сложными подсознательными процессами. Мы имеем в виду сополо-

жение себя со священной ойкуменой, и любое перемещение от центра воспринимается негативно даже современными людьми. Так русский человек, подсознательно мыслящий в категориях «дом – свой», «лес – чужой», считает, что «дома и стены помогают», в то время как китаец размышляет более глобально, так как только в Китае «особые природные и иные условия» (中国地利真特殊 *Чжунго дили чжэнь тэшу*). Поэтому среди китайцев мало тех, кого можно назвать предателями Родины, хотя такое выражение в китайском языке существует (卖国贼 *май го цзэй*). Китайские иммигранты считаются «странствующими китайцами», и те, кто уезжает на постоянное место жительства, называются *хуацяо* 华侨 «переселенцами-носителями китайской культуры».

Попытки модернизации традиционных ценностей и их приложение к современным ситуациям активно предпринимались создателями нового Китая. В этом плане интересно проследить формирование и эволюцию образов народных героев, представляющих собой выходцев из класса неимущих, простых людей, едва ли получивших начальное образование, живущих идеей всеобщего равенства, жертвующих всем во благо общества в целом.

Возникновение целой галереи портретов революционных героев обусловлено необходимостью создания чувства сопричастности для огромных масс населения и создания противовеса культу личности Мао Цзэдуна, человека, несомненно, выдающегося, о чем свидетельствуют многочисленные эпитеты, бытовавшие во всех без исключения поэтических произведениях периода Культурной революции по нарастающей, от «Мао как Солнце» к «Солнце как Мао» [4. С. 508].

Процесс героизации боевых товарищей, начиная с 50-х гг. XX в. характеризуется акцентированием на без преувеличения великие подвиги (военные и трудовые), совершенные простыми китайскими бойцами во имя свободы и создания Нового Китая. Это отражено в истории китайского агитационного плаката. Так, в 1964 г. был издан плакат под названием «Наш герой Хуан Цзигуан», посвященный подвигу, совершенному товарищем Хуан Цзигуаном (1930–1952) во время Корейской войны [18]. 19 октября 1952 г. он пал смертью храбрых, бросившись на амбразуру вражеского дота.

Кроме индивидуальных плакатов народных героев, выпущена целая серия, посвященная собирательному образу воина НОАК, который изображался как непримиримый боец за воссоединение Китая «Освободим Тайвань» [18], верный маоист с цитатником Мао в руке «Вперед революционным курсом» [18], бдительный солдат, наблюдающий за передвижением советских войск у границ КНР [18].

Особенностью этого периода можно назвать то, что все герои совершали подвиг во имя идей Мао Цзэдуна и были беззаветно преданы делу маоизма. Плакатные образы героев позволяли поддерживать необходимый эмоциональный накал и обеспечивали известную степень революционной романтики тех лет.

Кроме популяризации деятельности воинов-маоистов, борющихся с явным врагом (Япония времен интервенции в Китай и СССР периода военных действий на о. Даманском), часть плакатов посвящена борьбе с мировым злом (фашизм, американская агрессия в сопредельные с Китаем страны);

находится место и для воспевания образа труженика, который «горит на производстве», агитационный материал «Все на производство!» [18].

Цель агитационных плакатов этой направленности очевидна – создать правильную политическую установку у народных масс, включенных в процессы Большого скачка (1958–1960) и Культурной революции (1966–1976), ориентируя наиболее идейных на работу внутри огромного социума в ритме «быстрее, больше, интенсивнее». Как известно, все чаще страдало не только качество производимых товаров, но и ломались человеческие судьбы: как водится, находились и те, кто не поспевал в ногу со временем, и их обвиняли в протекционизме и антиреволюционной подрывной деятельности [4].

Личность учителя значима для китайцев на протяжении всей истории развития этого этноса. В рассматриваемый период в силу того, что нарождающаяся новизна бытия периода Большого скачка и Культурной революции в принципе не могла быть соотнесена со старыми идеалами и их трансляторами – учеными, учителями, интеллигенцией, возникла необходимость в культе новых учителей: китайцы испытывают потребность в лидере, у которого можно поучиться.

Агитационный плакат представлен достаточно обширно, часть плакатов можно обозначить в парадигме «Учись у...». Наиболее яркие и убедительные в этой серии – плакаты с Председателем Мао [18]. Великий Кормчий указывает правильный путь революционным депутатам, народным ходокам, идейной молодежи, а также выступает в роли неоспоримого лидера в глазах мирового пролетариата, борющегося за свои права (плакат «Председатель Мао – путеводная звезда мировой революции») [18]. Ближе к концу Культурной революции наблюдается тенденция обращения к идеалам Учителя, стоящего близко к принципам Сунь Ятсена, но не ангажированного маоистскими идеями. В рассматриваемой серии «Учись у...» появляются плакаты «Учись революционному духу у Лу Синя» [18].

При всей наглядной убедительности агитационного материала становилось все понятнее, что идеи маоизма, усвоенные молодым поколением тех лет, должны были получать возможность воплощения в реальную жизнь реальными людьми. Требовался уже не подвиг, а поступок. Так возникает плакатный образ Лэй Фэна.

Несмотря на то, что поначалу это всего лишь один из многочисленных героизированных персонажей того времени (Су Нин, Цзя Лидань и др.), он оказался наиболее популярным, эффективным и долговечным. Секрет заключается в том, что Лэй Фэн, простой боец, в силу трагических жизненных обстоятельств погиб до начала Культурной революции, времени драматичного и памятного нескольким поколениям китайцев. Если у пожилой части китайского населения, верно служившего делу Мао Цзэдуна, остается убежденность в правильности каждого шага, то другая часть населения, пострадавшая от деятельности маоистов морально и физически, считает Культурную революцию не только официально признанной ошибкой, но и трагедией всекитайского масштаба.

Люди среднего и молодого возраста должны быть правильно сориентированы в данной ситуации, а значит, возникает необходимость в создании некоего идеала – простого китайца, борца за интересы всего народа, соци-

ально активного, сочетающего в себе гармоничное соотношение традиционных ценностей, реализующего себя в современной жизни. Таков Лэй Фэн – верный маоист, служивший народу и не причинивший никому вреда в силу того, как уже упоминалось выше, что жизнь его безвременно оборвалась до начала разгула маоистских преступлений.

Биография Лэй Фэна (1940–1962) – это короткое повествование о жизни сироты, который обрел семью в лице КПК. В своих пробных эссе, которые публиковались на страницах армейских передовиц, Лэй Фэн писал: «Я рано лишился родителей, но партия заменила мне мать» [7. С. 37]. Не получивший какого-либо образования, молодой боец был увлечен идеями национального строительства, а его преданность делу Мао Цзэдуна соответствовала духу революционного времени. Верность, с которой молодые маоисты относились к делу революции, соответствует категории преданности *чжун* 忠, о которой много написано в конфуцианских постулатах. Поколение Лэй Фэна в принципе не разграничивало верность делу КПК и чувство любви к Родине. Конфуцианское понятие доброты *шань* 善 подразумевает способность к самопожертвованию [19]. И такими были молодые бойцы НОАК.

В августе 1960 г. в составе группы новобранцев Лэй Фэн участвовал в ликвидации последствий наводнения в Фушуне, и в течение 7 суток воинам приходилось своими телами сдерживать напор воды. Кроме того, они были вынуждены делиться с жителями пайком и носильными вещами. Лэй Фэн отдал пострадавшим две пары носков из трех, положенных ему в месяц. Работа по 16 часов в сутки в кирзовых сапогах была выматывающей, и бойцы не имели возможности получать новое обмундирование, однако это не стало препятствием для товарища Лэя [5. С. 40]. В разные годы молодой боец жертвовал различные суммы заработанных денег: от 20 юаней весной 1958 г. на покупку комсомольского трактора до 200 юаней в 1960 г. в помощь жертвам наводнения [8. С. 34]. По воспоминаниям сослуживцев, в быту Лэй Фэн был неприхотлив, охотно учился всему, от азов грамотности до игры на аккордеоне. Жизненным кредо молодого бойца было находить удовлетворение в аскезе бытия, стремиться быть полезным обществу (эссе «Я научился водить трактор!»), не выделяться среди сослуживцев.

Замполит Шэньянского военного округа Гао Цзяньго считает успешным опыт по созданию учения в духе Лэй Фэна, которое активно применяется в рамках идеологического воспитания в округе. Оно имеет огромное количество последователей среди бывших служащих и даже популяризуется среди гражданского населения. Первыми последователями стали бывшие сослуживцы Лэй Фэна, которые оказывали бескорыстную помощь в устранении последствий природных катаклизмов, теперь их целые поколения [5. С. 41].

Можно считать, что имя Лэй Фэна стало своеобразным брендом, и Гао Цзяньго считает совершенно естественным тот факт, что учение в духе Лэй Фэна прижилось в китайском социуме, так как его популярность заключается в соответствии традиционным китайским ценностям, в частности конфуцианским постулатам об идеальном человеке, функционирующем в категориях долга, верности, ритуала, бескорыстного служения обществу и Родине [20. С. 47].

Таким образом, гипотеза нашего исследования, заключающаяся в том, что на разных уровнях китайского общества происходит насаждение нравственного идеала современной личности, воспитанной в духе конфуцианских традиций, успешно адаптирующейся к современным экономическим, социальным и иным требованиям китайского социума, находит свое подтверждение. Анализ исследованного материала на китайском языке дает возможность утверждать, что китайцам, во-первых, удастся актуализировать традиционные конфуцианские ценности и убрать оковы догмы благодаря современной интерпретации. Во-вторых, создание и репрезентация нравственного идеала происходит на всех уровнях образования и социализации личности, начиная от учебников младшей школы до повседневного агитационного материала, который транслируется в СМИ и на улицах китайских деревень и городов.

Долгая эволюция образа народного героя находит успешное воплощение в создании образа Лэй Фэна. Современное китайское общество подспудно подталкивает молодежь учиться у тех, кто более успешен материально, а эффективная подача этого образа дает возможность объединить чаяния сразу нескольких поколений китайцев. С одной стороны, акцентируя внимание на авторитете и актуальности конфуцианских принципов – гуманности и служению обществу, с другой стороны, на гармоничной включенности героев периода Большого скачка и Культурной революции в подвижничестве на благо общества, идеализированный образ Лэй Фэна являет собой результат долгих исканий и успешных попыток конструирования национального самосознания.

Литература

1. *Малявин В.В.* Сумерки Дао: Культура Китая на пороге Нового времени. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 448 с.
2. *Маслов А.А.* Укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз. М.: Алетея, 2003. 473 с.
3. *Сторожук А.Г.* Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. СПб., 2010. 552 с.
4. *Шорт Филип.* Мао Цзэдун / пер. с англ. Ю.Г. Кирьяка. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 608 с.
5. 王蕾. 雷锋精神中华民族精神的重要组成。= Ван Лэй. Жизнь в духе Лэй Фэна – формирование нового духа китайской нации // 人民画报 = Жэньминь хуабao. 2012. № 3. С.40–43.
6. 王洋. 永远的雷锋 // 人民画报。= Ван Ян. Лэй Фэн навсегда // 人民画 = Жэньминь хуабao. 2012. № 3. С. 34–50.
7. 段威, 毛立功. 雷锋班 = Дуань Вэй, Мао Лигун. Вздвo имени товарища Лэй Фэна // 人民画报 = Жэньминь хуабao, 2012. № 3. С. 36–39.
8. 梁凤芳. 雷锋精神即大爱。= Лян Суфан. Учение в духе Лэй Фэна – это человеколюбие // 人民画报 = Жэньминь хуабao. 2012. № 3. С. 34–35.
9. 三字经。= Сань цзы цзин. Троеслобие. Пекин: Изучение и преподавание иностранных языков, 2012. 104 с.
10. 语文。一年级上册。= Юй вэнь: учебник родного языка. 1-й год обучения, ч. 1. Харбин: Народное просвещение, 2008. 187 с.
11. 语文。一年级下册。= Юй вэнь: учебник родного языка. 1-й год обучения, ч. 2. Харбин: Народное просвещение, 2008. 212 с.
12. 语文。二年级上册。= Юй вэнь: учебник родного языка. 2-й год обучения, ч. 1. Харбин: Народное просвещение, 2008. 191 с.

13. 语文。二年级下册。= Юй вэнь: учебник родного языка. 2-й год обучения, ч. 2. Харбин: Народное просвещение, 2008. 179 с.
14. 语文。三年级上册。= Юй вэнь: учебник родного языка. 3-й год обучения, ч. 1. Харбин: Народное просвещение, 2008. 194 с.
15. 语文。三年级下册。= Юй вэнь: учебник родного языка. 3-й год обучения, ч. 2. Харбин: Народное просвещение, 2008. 223 с.
16. 语文。四年级上册。= Юй вэнь: учебник родного языка. 4-й год обучения, ч. 1. Харбин: Народное просвещение, 2008. 166 с.
17. 语文。四年级下册。= Юй вэнь: учебник родного языка. 4-й год обучения, ч. 2. Харбин: Народное просвещение, 2008. 187 с.
18. 王于涛。历史的肖像中国60年招贴画集粹。= Ван Юйтао: Сборник агитационных плакатов «60 лет истории Китая». Гонконг: ООО «Хэпин ту шу», 2009. 144 с.
19. 美德书:中华传统美德格言 800条/魏普风,唐继军编著。= Книга о благодетели: 800 крылатых фраз о воспитании в высоком духе китайской традиции. Пекин: Чжунго хуацяо, 2006.1. 318 с.
20. 张峻等。回望雷锋 (1940–1962)。= Чжан Цзюнь и группа авторов. Вспоминая Лэй Фэна (1940–1962) //人民画报。= Жэньминь хуабао. 2012. № 3. С. 44–47.

Ishutina Yuliya A. Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

E-mail: ishutina.yuliya.74@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2017, № 28, pp. 36–45.

DOI: 10.17223/22220836/28/4

FORMATION AND EVOLUTION OF MORAL IDEALS IN PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Key words: propaganda, Chinese culture revolution, social constructions, Lei Feng, moral ideals, traditions and modernity.

The Chinese government many times has taken certain measures to make ancient moral rules be actual for modern Chinese society. It is interesting to analyze the process of formation & evolution of moral ideals of people heroes, who used to be the plain low-educated youth. Though they came from poor unknown families, these young people were eager to make the Chinese society equal in rights etc. For realizing their social dreams they have sacrificed everything, including their own lives. Going through analyzing we used method of systemizing materials in Chinese. The main aim of this article is to define main tendency of formation and evolution of Chinese moral ideal nowadays. Object is moral ideal, subject is its evolution and populisation.

Making a rather large gallery of such idols was necessary because that was important to make plain people feeling together for social feats. Otherwise, that was a kind of answer for Mao Zedong's cult. From the early 1950 we can see that government was accenting on importance of making war and civil feats in the aim of freedom and constructing of new China. There are some propaganda posters devoting to this historical period of China. They very very impressive, but it obviously can be seen, that the society needed some ideals of socialist behaviour, not war feats any more. The most creditable ideal is comrade Lei Feng. He was a very young maoist, honest and devoted to his Motherland. The secret of success of this romantic revolution ideal is that he could include both Mao ideals and some traditions together, and comrade Lei Feng sacrificed his life before Cultural revolution. In spite of old or modern ideals, Lei Feng can be honoured at any time. He is very popular both with youth and older generation in Peoples' republic of China.

References

1. Malyavin, V.V. (2003) *Sumerki Dao: Kul'tura Kitaya na poroge Novogo vremeni* [The Twilight of Dao: The culture of China on the eve of the New Time]. Moscow: Izdatel'stvo AST.
2. Maslov, A.A. (2003) *Ukroshchenie drakonov. Dukhovnye poiski i sakral'nyy ekstaz* [The Taming of Dragons. Spiritual quest and sacred ecstasy]. Moscow: Aleteya.
3. Storozhuk, A.G. (2010) *Tri ucheniya i kul'tura Kitaya: konfutsianstvo, buddizm i daosizm v khudozhestvennom tvorchestve epokhi Tan* [Three teachings and culture of China: Confucianism, Buddhism and Taoism in the art of the Tang era]. St. Petersburg: [s.n.].
4. Short, Ph. (2001) *Mao Tszedun* [Mao Zedong]. Translated from English by Yu.G. Kiryak. Moscow: AST.

5. Wang Lei. (2012) Zhizn' v dukhe Ley Fena – formirovanie novogo dukha kitayskoy natsii [Life in the spirit of Lei Feng – the formation of a new spirit of the Chinese nation]. *Renmin Huabao*. 3. pp. 40–43.
6. Wang Yang. (2012) Ley Fen navsegda [Lei Feng forever]. *Renmin Huabao*. 3. pp. 34–50.
7. Duan Wei, Mao Ligu. (2012) Vzvod imeni tovarishcha Ley Fena [Platoon of the name of Comrade Lei Feng]. *Renmin Huabao*. 3. pp. 36–39.
8. Liang Sufang. (2012) Uchenie v dukhe Ley Fena – eto chelovekolyubie [Teaching in the spirit of Lei Feng is a philanthropy]. *Renmin Huabao*. 3. pp. 34–35.
9. Anon. (2012) *San Tzu Jing. Troeslovie* [The Three Words]. Beijing: Izuchenie i prepodavanie inostrannykh yazykov.
10. Anon. (2008a) *Yuy ven': uchebnik rodnogo yazyka* [Yui wen: a textbook of the native language]. 1st Year. Kharbin: Narodnoe prosveshchenie.
11. Anon. (2008b) *Yuy ven': uchebnik rodnogo yazyka* [Yui wen: a textbook of the native language]. 1st Year. Part 2. Kharbin: Narodnoe prosveshchenie.
12. Anon. (2008c) *Yuy ven': uchebnik rodnogo yazyka* [Yui wen: a textbook of the native language]. 2nd Year. Part 1. Kharbin: Narodnoe prosveshchenie.
13. Anon. (2008d) *Yuy ven': uchebnik rodnogo yazyka* [Yui wen: a textbook of the native language]. 2nd Year. Part 2. Kharbin: Narodnoe prosveshchenie.
14. Anon. (2008e) *Yuy ven': uchebnik rodnogo yazyka* [Yui wen: a textbook of the native language]. 3rd Year. Part 1. Kharbin: Narodnoe prosveshchenie.
15. Anon. (2008f) *Yuy ven': uchebnik rodnogo yazyka* [Yui wen: a textbook of the native language]. 3rd Year. Part 2. Kharbin: Narodnoe prosveshchenie.
16. Anon. (2008g) *Yuy ven': uchebnik rodnogo yazyka* [Yui wen: a textbook of the native language]. 4th Year. Part 1. Kharbin: Narodnoe prosveshchenie.
17. Anon. (2008h) *Yuy ven': uchebnik rodnogo yazyka* [Yui wen: a textbook of the native language]. 4th Year. Part 2. Kharbin: Narodnoe prosveshchenie.
18. Wang Yutao. (2009) *Sbornik agitatsionnykh plakatov "60 let istorii Kitaya"* [The collection of campaign posters "60 years of Chinese history"]. Hong Kong: Khepin tu shu.
19. Anon. (2006) *Kniga o blagodeteli: 800 krylatykh fraz o vospitanii v vysokom dukhe kitayskoy traditsii* [Book of benefactors: 800 winged phrases about education in the high spirit of the Chinese tradition]. Beijing: Chzhungo khuatsyao.
20. Zhang Jun et al. (2012) Vspominaya Ley Fena (1940–1962) [Remembering Lei Feng (1940–1962)]. *Renmin Huabao*. 3. pp. 44–47.